

текст подается адресату сочинения как произносимый от его лица, как обращенное к нему наставление автора, как характеристика истинного христианина, что усиливает дидактическую направленность сочинения. Библейский текст часто преобразуется в эмоциональное обращение к Богу, отвечая сильной лирической струе «Сокровища духовного».

---

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. М., 2010. (Репринт: Библия сиречь книги Священного Писания Ветхаго и Новаго Завета с параллельными местами. СПб., 1900.)

2. *Болховитинов Е.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви. М., 1996.

3. *Задонский Т.* Творения. М., 1994. (Репринт: Творения иже во святыхъ отца нашего Тихона Задонскаго. 5-е изд. М., 1889.)

4. Записки Ивана Ефимова // Святитель Тихон Задонский : избр. тр., письма, материалы. М., 2004. С. 571–599.

5. *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X–XVII веков. СПб., 2001.

Ю. В. Кондакова

г. Екатеринбург

Феномен ономастического хамелеонства Н. В. Гоголя

Посредством имени соотносится макрокосм внешнего мира и микрокосм внутреннего мира человека. В имени не только вскрываются интеллектуальные способности именуемого субъекта, но и его чувства и эмоции, переживания и бессознательные конфликты. Из таких ощущений и возникает предчувствие своего пути в мире. Приходя в него, человек привносит с собой то, чего там ранее не было — неповторимое своеобразие потребностей, возможностей, талантов. Таким образом, в имени открывается перспектива на всю противоречивую полноту жизни. Имена не отмечают своих владельцев печатью порока или добродетели, не дают им определенную моральную оценку, но являются неким вектором

развития — направлением, которое обладатель того или иного имени может назвать своим. Однако порой избранное автором для себя имя — псевдоним — не является неким «заглавием» внутреннего мира художника, не определяет, но скрывает, маскирует его духовную сущность. В случае с Н. В. Гоголем эта ономастическая маскировка одновременно и таит в себе надежды на феерический дебют в литературе, и выдает паническое желание скрыться при возможной неудаче, оказываясь подобной незамысловатой одежде с чужого плеча, под которой до поры до времени скрывается подлинное обличье незаурядного творца.

В начале творческого пути Гоголя ряд его произведений появился в печати без подписи. Нет даже псевдонима, с помощью которого так или иначе автор выражает себя, утверждая своим именем индивидуальные творческие принципы. Так, инкогнито было направлено издателю стихотворение «Италия» (1829), — таким образом, первое опубликованное произведение Н. В. Гоголя вышло без указания имени автора. Анонимность ранних гоголевских произведений не есть признак безусловного ономастического нигилизма, протест против облика собственного имени. Этот отказ от именованья никак не связан ни с аскетичной скромностью, ни с естественной для литературы прежних времен имперсональностью, но скорее маркирует страх новичка-творца, который только начинает с достаточной определенностью заявлять о себе. По замечанию П. А. Кулиша, «Гоголь боялся гласности и прокладывал себе дорогу к литературным успехам тайком даже от ближайших друзей своих» [2, с. 108].

Устремления Гоголя противоречивы: скрываться и провозглашать свое имя, таиться и прославиться, что в полной мере проявило себя в публикации поэмы «Ганц Кюхельгартен» (1829) «под фамилией В. Алов — под псевдонимом вполне романтическим и обещающим: Алов — это алое утро, заря, рассвет, намекающий на торжество дня» [3, с. 88]. Характерно, что первый псевдоним Гоголя может восприниматься и как изящная анаграмма (в овал). Именно проникновение в овал — «символ полноты творения» [Там же]. Вполне соответствует романтическому мировоззрению молодого автора, мечтающего о странствиях в таинственные дали. «Ганц Кюхельгартен» — это и поэма о *выборе пути*, о «раздоре мечты с существенностью», говоря словами Гоголя, и о «воплощении этой мечты в существенность» [Там же, с. 73]. Мистический псевдоним-анаграмма чрезвычайно подходит писателю, необыкновенную скрытность которого неоднократно подмечали современники. Так, по словам одного из товарищей Гоголя, «не было человека скрытнее Гоголя... он умел сообразить средство с целью, удачно выбрать

средство и самым скрытным образом достигать цели» [4, с. 28]. Страсть Гоголя напускать на себя таинственный вид подмечали и П. В. Анненков, по утверждению которого, Гоголь «любил показать себя в некой таинственной перспективе» [Там же], и С. Т. Аксаков, подчеркивавший, что Гоголь «любил содержать в секрете то, чем занимался, и терпеть не мог, если хотели его нарушить» [Там же, с. 29].

После провала поэмы «Ганц Кюхельгартен» Гоголь предаст забвению псевдоним «В. Алов». Он ни разу не упоминается автором, равно как и само произведение, создававшееся в глубокой тайне, а затем поспешно сожженное. Как отмечал один из книгопродавцев, которым были доверены экземпляры поэмы, «Гоголь был такой молчаливый и таинственный, что напечатал он в первый раз свое сочинение “Ганц Кюхельгартен, или Картины”, принес ко мне на продажу и через неделю спросил, продаются ли. Я сказал, что нет, он забрал их — только и видели; должно быть, печка поглотила и тем кончилось, что и теперь нигде нет этой книги, и публика не знает и не видала его первого произведения» [22, с. 112]. Романтикомистический В. Алов стал жертвой нападков жестокой критики: «Издатель сей книжки говорит, что сочинение г-на Алова не было предназначено для печати, но что важные для одного автора причины побудили его переменить свое намерение. Мы думаем, что еще важнейшей причины имел он не издавать своей идиллии» [Там же, с. 111] (Московский телеграф. 1829. № 12, июнь); «В “Ганце Кюхельгартене” столь много несообразностей, картины так чудовищны и авторская смелость в поэтических украшениях, в слоге и даже в стихосложении так безотчетлива, что свет ничего не потерял, когда бы сия первая попытка юного таланта залежалась под спудом» [Там же, с. 113] (Северная пчела. 1829. № 87, июль).

Неуспех «Ганца Кюхельгартена» поспособствовал тому, что Гоголь вновь начинает скрывать свое подлинное имя. Среди анонимно опубликованных в это время произведений Гоголя — «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала» (1830), отрывок из повести «Страшный кабан» — «Успех посольства» (1831). Анонимность некоторым образом возводит их в ранг фольклорных произведений. Так заявлена бессознательная стихийность художественного творчества, близкого к народному, где на первый план выступает традиция. Тем не менее анонимность здесь скорее способ залечить раны творческого самолюбия. Нельзя сказать, чтобы ранние, анонимно опубликованные гоголевские произведения снискали славу, однако ее жажда выдает себя в довольно наивном письме Гоголя к матери (1830), в котором он высказывает предположение, что именно публикация повести «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала»

сыграла главную роль в поступлении на службу в Департамент уделов: «...одна из статей моих доставила мне место, ныне мною занимаемое» [3, с. 131].

Притаившись под тем или иным псевдонимом, Гоголь опубликует свои произведения не раз. Случится, что он даже подпишет произведение своеобразной аббревиатурой. Так, принято считать, что «Глава из исторического романа» (фрагмент неоконченного романа «Гетьман»), опубликованная в 1830 г. в альманахе А. А. Дельвига «Северные цветы на 1831 год», была подписана «ОООО», отражая, таким образом, все буквы «о» имени и фамилии *Николай Гоголь-Яновский* (интерпретация В. П. Гаевского). Впрочем, возможно, перед нами оригинальная подпись, скрывающая четыре нуля, замещающие каждую из частей полного имени *Николай Васильевич Гоголь-Яновский*. Тем более что среди псевдонимов Гоголя присутствуют подобные имена-шифры (***, а также N. N.).

Следует обратить особое внимание, что в псевдонимах Гоголя зачастую меняется не только фамилия, но и имя, на что указывают инициалы (В. Алов, П. Глечик, Г. Янов). Впрочем, оним П. Глечик можно счесть исключением: автор выбрал в качестве ономастической маски фамилию своего героя (полковника Глечика из «Главы из исторического романа»), так что перед нами – фальшивый инициал, кодирующий не имя, но чин. Выбор имени данного персонажа в качестве псевдонима также представляется неслучайным. В переводе с украинского *глечик* — «кувшин», т. е. полный сосуд (псевдоним подобен «ОООО» или «N. N.»), который может получить любое содержание. Характерно, что «такой аспект фамилии усилен автохарактеристикой самого Глечика: “У меня под старость голова как дырявое ведро: сколько ни лей воды в него, все пусто; сколько ни толкуй умных речей, все позабудет”» [5].

Характерно, что псевдонимы, призванные скрыть личное имя или заменить его на более благозвучное, являются *псевдо*-именами, искусственной заменой того духовного стержня, который представляет собой настоящее имя. Неоправданная замена данного от рождения (полученного при крещении) имени на Руси считалась грехом. Исключение составляли имена православного духовенства. Для духовных лиц перемена имени (при принятии монашеского сана) означала новое рождение, изменение имени у светской особы было актом греховным. Перемена имени для монаха не имела ничего общего с таким явлением, как псевдонимность, которое представляло собой нечестивую пародию на мистическое преображение имени. То, что такой богобоязненный человек, как Гоголь, в начале творческого пути дерзает скрываться за псевдонимами,

говорит о многом. Особо стоит сказать о псевдониме «Глечик», который обладает инфернальным семантическим оттенком в связи с тем, что «пустотелость, наличие одной лишь оболочки в средневековой традиции связывалось с нечистой силой и дьяволом» [5].

Смена писателем своего имени на серию псевдонимов напоминает побег от себя, выбор пути не интеллектуальной рефлексии или чувственного самопостижения, но постоянного избегания реальности. Характерно, что феерическая смена имен сопровождается переменой мест — так, после неудачи с «Ганцем Кюхельгартеном» Гоголь устремляется за границу. Паническое бегство настолько очевидно, что никто из окружения Гоголя не поверил в романтическое оправдание — некую таинственную пламенную страсть. Вместе с тем Гоголь никогда не будет скрывать своей любви к странствиям, которые становятся абсолютно необходимыми в трудных жизненных обстоятельствах: «О, если бы я имел возможность всякое лето сделать какую-нибудь дальнюю, дальнюю дорогу! Дорога удивительно спасительная для меня...» [4, с. 70].

Гоголь меняет псевдонимы, как перчатки, даже позволяя себе одновременно публиковаться под разными именами. Так, в 1831 г. Гоголь опубликовал главу «Учитель» из повести «Страшный кабан» под псевдонимом П. Глечик, одновременно с нею, в том же номере «Литературной газеты» — статью «Несколько мыслей о преподавании детям географии» под псевдонимом Г. Янов. И эти псевдонимы Гоголя нарочито условны, являют собой некую ономастическую маску, очевидную как для автора, так и для читателя, будучи подобны ОООО, ***, N. N. Характерно, что Г. Янов легко расшифровывается как Гоголь-Яновский, однако «Гоголь недаром прятался под вымышленными именами — чувствовало его перо нетвердость, ученический свой наклон» [3, с. 105].

В случае с первым томом «Вечеров на хуторе близ Диканьки» появление нового псевдонима уже не было связано с опасениями творческих неудач, с желанием примерить новую ономастическую маску. Ко времени выхода этой книги о Гоголе начинают говорить как о «молодом писателе, который обещает что-то очень хорошее» [22, с. 138], — впрочем, отзывы о его произведениях весьма сдержанны. В связи с этим П. А. Плетнев, желая «спасти повести от предубеждения людей, которые знали Гоголя лично или по первым его опытам, и не получили о нем высокого понятия... присоветовал Гоголю, на первый раз, строжайшее incognito и придумал для его повестей заглавие, которое возбудило в публике любопытство. Так появились на свет “Повести, изданные пасечником Рудым Паньком”, который будто бы жил возле Диканьки, принадлежащей князю

Кочубею. Книга была принята огромным большинством любителей литературы с восторгом» [22, с. 140]. Несмотря на то, что некоторое время украинский псевдоним употреблялся едва ли не вместо имени Гоголя («...познакомил бы вас хоть заочно, если вы желаете того, с одним очень интересным земляком — Пасечником Паньком Рудым, издавшим «Вечера на хуторе», т. е. Гоголем-Яновским...» [Там же, с. 145]), вскоре Рудый Панько («Рудый он потому, что и Гоголь в молодости был несколько рыжеват, Панек — в малороссийском просторечии внук Опанаса, Афанасия» [3, с. 113]) отошел на второй план, а потом и вовсе перестал восприниматься как гоголевский псевдоним («...был на вечере у Гоголя-Яновского, автора весьма приятных, особенно для малороссиянина, «Повестей пасичника Рудого Панька»» [22, с. 146]).

Употребление псевдонимов Гоголем «было своеобразным средством испытания писательских возможностей, поисками дорог к индивидуально-авторскому самоопределению и общественному признанию авторской личности. Переход от Рудого Панька к Гоголю обозначал уже авторскую канонизацию своей индивидуальной словесно-художественной системы и утверждение основных путей ее развития (ср. множественность псевдонимов у В. Ф. Одоевского, у раннего Некрасова, у молодого Чехова и т. д.)» [6]. Действительно, как отмечал В. Г. Белинский, «г. Гоголь сделался известным своими “Вечерами на хуторе” <...> Все, что может иметь природа прекрасного, сельская жизнь простолюдинов обольстительного, все, что народ может иметь оригинального, типического, все это радужными цветами блестит в этих *первых* (курсив мой. — Ю. К.) поэтических грезах г. Гоголя» [1, с. 30]. Когда Гоголь обретает лицо автора самобытных произведений, он возвращает себе свое подлинное имя. С «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (1831), также вышедших под псевдонимом, тем не менее началось утверждение имени Гоголя как талантливого писателя. Так, князь В. Ф. Одоевский писал А. И. Кошелеву 23 сентября 1831 г. о только вышедших «Вечерах на хуторе близ Диканьки»: «Они, говорят, написаны молодым человеком по имени *Гоголем*, в котором я предвижу большой талант: ты не можешь себе представить, как его повести выше и по вымыслу, и по рассказу, и по слогу всего того, что доньше издавали под названием русских романов» [8, с. 71].

На пороге творческого пути Н. В. Гоголь являет собой образец невероятного ономастического хамелеонства и маскировки: «...утрачивается какое бы то ни было устойчивое имя, и “Я” проявляет себя постоянно сменяющимися и крайне неустойчивыми суррогатами имен» [7, с. 478]. Список псевдонимов довольно внушителен: В. Алов, П. Глечик, Г. Янов,

ОООО, ***, N. N.... Однако гоголевские псевдонимы не рассыпаются многоцветным конфетти — в них не наблюдается желания приукрасить авторское имя или совсем скрыть его за ярким фантазмагорическим обликом, сравнимым с классической маской венецианского карнавала. Не отличаясь глубиной, по крайней мере, внешне, данные псевдонимы вряд ли подобны мощным корням дерева — тому, что сокрыто, но составляет основу бытия. Напротив, совокупность этих имен по своему внешнему облику наводит на мысль о месте вырубки деревьев, где остается голая скудная земля, восстановить плодородие которой практически невозможно. Недаром юный Гоголь получил от своего учителя гимназии весьма нелестную характеристику — «terra rudis et inculta (*почва невозделанная и необработанная*)» [2, с. 81]. Любовь Гоголя к смене псевдонимов вовсе не связана с проявлением какого-либо исключительного нарциссизма, с предельным сосредоточением на своем «я». Эти удивительно безликие имена напоминают простые черные маски, скрывающие на время подлинную суть своего носителя. Начало гоголевского творческого процесса озаглавлено тем, что чужие и чуждые Гоголю имена-псевдонимы, будучи временными ономастическими одеждами, образуют некую куклку, в которой происходит интимный процесс преображения творца — из начинающего автора, которому не чуждо подражание, в неординарного, талантливого писателя.

-
1. Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Гоголь в русской критике : антология. М., 2008.
  2. Вересаев В. Гоголь в жизни : в 2 кн. СПб., 1995. Кн. 1.
  3. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей [Электрон. ресурс]. URL: http://www.iu.ru/biblio/archive/vinogradov_problemi/03.aspx
  4. Гоголь без глянца / сост. П. Фокин. СПб., 2008.
  5. Заславский О. Сюжет и композиция «Гетьмана» [Электрон. ресурс]. URL: http://www.hrnon.ru/text/ru/zaslav_get.html
  6. Золотусский И. Гоголь. М., 2009.
  7. Флоренский П. Имена. М., 2008.
  8. Чичерин А. В. Незвестное высказывание В. Ф. Одоевского о Гоголе // Тр. каф. рус. лит. филол. ф-та Львов. гос. ун-та им. И. Франко. Литературоведение. 1958. Вып. 2.
  9. Энциклопедия символов и знаков [Электрон. ресурс]. URL: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm>